

Б. Т. ГОРЯНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ

По истории Латинской империи имеется значительная зарубежная литература. Интересы колониальной политики уже в период зарождения капиталистических отношений вызывали усиленный интерес к изучению истории проникновения западного рыцарства на Балканский полуостров и вообще в восточную часть Средиземноморья. Раньше всего исследованиями этих вопросов стали интересоваться историки Венеции и Генуи¹. Формировавшаяся во Франции буржуазия в свою очередь проявляла растущий интерес к исследованиям, посвященным изучению роли французских феодалов и рыцарства в походах в Романию². Эти исследования, начиная с конца XVIII в. и до нашего времени, в значительной степени служили теоретической базой для обоснования претензий Франции на участие в империалистических захватах на Востоке. В дальнейшем и реакционные историки других стран Западной Европы, а после второй мировой войны и США, также стали проявлять интерес к исследованиям по истории Латинской империи.

Историки-марксисты, много сделав по изучению крестовых походов, в том числе и Четвертого крестового похода, приведшего к разгрому Византийской империи, не уделяли внимания истории и устройству государств, возникших на ее развалинах. Это оправдывает попытку общей характеристики некоторых основных черт общественно-экономического и политического строя Латинской империи.

* *
*

Западным завоевателям, временно захватившим территории Балканского полуострова, в первую очередь необходимо было позаботиться об организации феодального землевладения.

В основу этой организации с самого начала была положена ленная система, целиком подчиненная задачам военно-феодального государства.

¹ В вышедшей в 1953 г. работе итальянского историка А. Sapori „Le marchand italien au moyen âge“ приведен большой библиографический обзор по этому вопросу. Не будучи исчерпывающей, эта библиография, занимающая 105 страниц убористого текста, дает представление об объеме литературы и служит полезным путеводителем по многочисленным исследованиям, вышедшим в свет и в последние годы.

² Термин „Romania“ для обозначения Византийской империи — давнего происхождения. Сводный обзор происхождения и употребления этого термина составил J. Zeiller. L'apparition du mot Romania chez les écrivains latins. Revue des études latines, VII, 1929.

Так, в хронике Роберта де Клари рассказывается, что лены распределялись в соответствии с положением будущих держателей. В первую очередь выделены были лены графам, затем другим лицам «высокого положения», участвовавшим в походе. Каждый вассал императора соразмерно своему положению имел в своем подчинении некоторое количество зависимых от него ленов, число которых колебалось от 6 до 200³. Морейская хроника также свидетельствует о том, что размеры получаемых феодалов зависели от положения новых владельцев, числа бывших с ними воинов, величины их прежних владений:

Πρὸς τὴν οὐσίαν καὶ τὴν ἀξίαν τοῦ καθενὸς καὶ ἐκάστου
καὶ τὸν λαὸν ὅσον εἶχασιν εἰς τὴν κοινότητα ἐκείνην⁴.

Ко времени захвата византийских территорий крестоносцами феодальное землевладение здесь давно уже сложилось во всех своих формах, в которых было много сходных черт с формами, типичными для Западной Европы, но были и некоторые своеобразные черты. Было бы очень важно и интересно проследить, как использовали западные завоеватели те формы феодальных отношений, которые они нашли на Балканском полуострове, и, с другой стороны, что нового они внесли в них. К сожалению, материал, которым мы располагаем, не дает возможности осветить эту проблему с надлежащей полнотой. По-видимому, как правило, франкские завоеватели не лишали византийских феодалов их земель. Источником распределения новых феодалов были главным образом нерозданнные императорские государственные земли⁵. Но мы имеем вместе с тем свидетельства и о том, что феодалы выделялись из земель греческого населения, покинувшего свои владения при появлении завоевателей. Так, в Морейской хронике мы находим рассказ о том, что при завоевании Лакедемона греческое население бежало в Мистру. Земли бежавших владельцев захватывались и раздавались новым держателям феодалов⁶.

Греческие архонты-феодалы, остававшиеся на территории империи, получали от завоевателей подтверждение своих привилегий. Архонты участвовали в комиссиях, которые, например, создавались Шамплитом для распределения ленов, называемых в хронике прониями:

ἄρχοντας ἔξι ἐβάλασιν καὶ ἄλλους ἔξι Φράγκους
ὅπερ ἐμοιράσασιν τοὺς τόπους καὶ προνοίης⁷.

Стараясь добиться расположения господствующих классов, завоеватели пытались приблизить к себе местных феодалов и в своих обращениях давали обещания осыпать великими почестями тех из них, которые окажут поддержку новому государству: ὅσοι ἀξίγουν καὶ ὠφελοῦν, τιμὴν γὰρ ἔχουν μεγάλην⁸. (Подробнее об этом см. ниже).

Необходимо подчеркнуть, что народные массы, проявляя враждебное отношение к завоевателям, выражали протест против переходившей на их сторону знати. Так, Никита Хониат свидетельствует, что народ с презрением относился «к этим рабским душам, которые ради корыстолюбия стали

³ Robert de Clary. La conquête de Constantinople, ed. P. Lauer. Classiques français du moyen âge, 40, 1924, p. 103.

⁴ J. Schmitt. The Chronicle of Morea. London, 1904, p. 70, v. 1022—1023.

⁵ Н. П. Соколов оспаривал это положение, утверждая, что подобная политика проводилась лишь на территории Пелопоннеса, о котором только и говорится в Морейской хронике (см. его рецензию на „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“. ВВ, VI, 1953, стр. 272—274). Однако и приводимые им примеры с целью опровергнуть наше положение тоже имеют ограниченное значение, так как относятся в основном к политике только венецианских феодалов.

⁶ J. Schmitt. Op. cit., p. 365, v. 5606—5619.

⁷ Ibid., p. 112, v. 1649, 1650.

⁸ Ibid., p. 114, v. 1708.

врагами своей родины, к этим изменникам, которые для обеспечения своей собственности поддались завоевателям, вместо того чтобы оставаться в вечной войне с латинянами»⁹.

Попадая на почву, где в актовом материале господствовал греческий язык, западные завоеватели вынуждены были осваивать греческие социальные термины.

Весьма интересный материал для изучения этих явлений дает Морейская хроника, в которой мы встречаем большое разнообразие форм феодальной терминологии эпохи Латинской империи.

Так, хроника содержит большое количество слов, характеризующих распространение пронии. Говоря о распределении феодалов на территории Скорты, хроника идентифицирует термин «прония» с понятием «феод»: ...τὰ φῆε τὸν ἐδῶκαν, τὸ παραλάβει τὲς προνοῖες¹⁰. Понятие «феод» часто передается без всякого сопоставления с термином «прония», путем применения гречизированной формы французского *fief*, τὰ φῆε (множ. число, иногда — τὰ φέη¹¹).

Интересен пример соединения пронии с понятием феодального держания, владения, передаваемого глаголом κρατέω. В хронике упоминается о том, что прежним держателям остаются во владении их пронии (...κράτησον τὲς προνοῖες)¹².

Встречается много слов, производных от слова πρόνοια. Прежде всего нужно отметить глагол προνοιάζω в смысле владеть пронией или получать пронию — ἐπρονοιάστησαν¹³, ἐπρονοίασεν... φῆε¹⁴, προνοῖς, ὅπερ τοὺς ἐπρονοίασαν¹⁵. В хронике мы встречаем впервые термин для обозначения самого держателя пронии — προνοιατόρος: νὰ πολεμήτε γαρονίζουῦν ὡσάν οἱ προνοιατόροι¹⁶. Получившие пронию иногда обозначаются причастной формой от глагола προνοιάζω — προνοιασμένοι. Так, например, этим термином называются лица, записанные в реестр феодальных держаний, что ярко подчеркивает отождествление феодала с пронией: ἐγράφου εἰς τὸ βουντζέστρο τοῦ, ὅπου ἦσαν προνοιασμένοι¹⁷.

Термин λίζιος задолго до Латинской империи употребляется в византийских памятниках. Так, уже Анна Комнина употребляла это выражение, а также ἀνδρωπος λίζιος для передачи западных *ligius*, *lige*. В Морейской хронике мы уже широко встречаем термины λίζιος и ἀνδρωπος λίζιος для обозначения феодальных держателей пронии и характеристики их вассальной зависимости. Наиболее отчетливо это понятие феодального держания, зависимого от пожаловавшего владение, выражено в обращении предшателя императора Балдуина к Жоффруа Виллардуэну, за которым дополнительно признано было право на владение Каламатой и Аркадией. В этом обращении говорится, что получающий новые феодальные владения, становящийся отныне вассалом, будет управлять ими, как пожалованными властью сюзерена (ἀφεντία):

Μισὶρ Ντζεφρέ, ἀπὸ τοῦ νῦν ἀνθρωπός μου εἶσαι λίζιος ἀφῶν κρατεῖς τὸν τόπον σου ἀπὸ τὴν ἀφεντία μου¹⁸.

В таком же значении и также в соединении с выражениями

⁹ Nicetas Choniata, Bonnae, p. 856.

¹⁰ J. Schmitt. Op. cit., p. 130, v. 1919—1920.

¹¹ Ibid., v. 1914, 1934, 1940 et passim.

¹² Ibid., p. 176, v. 2638.

¹³ Ibid., p. 136, v. 2020.

¹⁴ Ibid., p. 130, v. 1939—1940.

¹⁵ Ibid., p. 198, v. 2955.

¹⁶ Ibid., p. 180, v. 2700.

¹⁷ Ibid., p. 132, v. 1964.

¹⁸ Ibid., p. 126, v. 1869—1870.

κρατεῖν τὸν τόπον этот термин встречается и в других местах, например в отношении вассальной зависимости правителя всей Мореи: λιζιός τοῦ γάρ νὰ δουλωθῆ καὶ νὰ κρατῆ ἀπὸ ἐκεῖνον τὸν τόπον καὶ τὴν ἀφεντίαν ὅπου εἶκεν τοῦ Μορέως¹⁹. Для обозначения самого понятия вассальной зависимости мы встречаем термин λιζία, иногда соединяемый с ὀμάντζιο (греческая передача термина *homage*): κ'ἐκεῖνος γάρ τοῦ ἐχάρισεν τὸ ὀμάντζιο καὶ λιζίαν²⁰.

Иногда понятие вассальной зависимости выражается собственно греческими терминами, посредством которых передавались новые для населения областей Византии западные термины. Так, во многих случаях мы встречаем термин δουλεία²¹. «Находиться в вассальной зависимости» нередко передается глаголом δουλώω²².

Термин *homage* передается также словом ἀνθρωπέα, являющимся попыткой передать французское слово на греческом языке²³. Соответствующий глагол передается в хронике старым греческим словом προσκυνῶ:

οἱ ἄρχοντες καὶ τὸ κοινὸ τῆς χώρας Ἀγδραβίδου
καὶ ἦλθαν κ'ἐσπροκύνησαν τὸν Καμπανέση ἐκεῖνον²⁴.

В нескольких местах хроники мы находим выражение κρατῶ τόπον в смысле «держать феодальное владение»²⁵. Очень интересным является выражение φυσικός ἀφέντης, передающее французское *seigneur naturel*²⁶.

Уже задолго до Латинской империи византийские феодальные держания передавались по наследству, κατὰ λόγον γονικότητος. В хронике такие владения обозначались термином γονικόν²⁷, иногда — ἰγονικόν²⁸ в смысле феодального фамильного владения, с соответствующим прилагательным γονικός, наследственный²⁹. Владения, полученные на основе феодального держания по наследству, передаются интересным термином γονικαρχία, причем в некоторых случаях специально упоминается, что речь идет о передаче по наследству феодалов: κ'ἐδῶκαν τοῦ εἰς γονικαρχίαν τῆς Μοραίνας τὸ φῖε³⁰, или несколько дальше: καὶ εἶχεν εἰς γονικαρχίαν τὸ φῖε τῆς Λισσαρέας³¹. Владелец феодального поместья, полученного по наследственному праву, имеющий право его передачи по наследству, обозначается термином γονικάρχος: ὡς γονικάρχος, συγγενῆς νὰ ἔχη τὸ ἰγονικόν του³².

В хронике мы встречаем также упоминания об имунитете, который обозначается испорченным византийским словом ἐγκούσιον. Раскрывая содержание экскусии, хроника рассказывает о просьбе владельцев проний об освобождении их от налогов (τέλος) и от всевозможных повинностей, обозначаемых интересным термином δεσποτικόν: συμβίβασιν ἐζήτησαν τοῦ νὰ ἔχουσιν ἐγκούσιον, τέλος οὔτε δεσποτικόν νὰ ποιήσουσιν ποτέ τους³³. Лица, наделенные правом экскусии, обозначаются термином ἐγκουσαῖτος³⁴. Иногда этот термин употребляется по отношению ко всему населению

¹⁹ J. Schmitt. Op. cit., p. 172, v. 2562—2563.

²⁰ Ibid., p. 212, v. 3185.

²¹ Ibid., p. 202, v. 2028.

²² Ibid., p. 174, v. 2586.

²³ Ibid., p. 112, v. 1646.

²⁴ Ibid., p. 98, v. 1435—1436.

²⁵ Ibid., p. 126, v. 1870; p. 128, v. 1882.

²⁶ Ibid., p. 56, v. 821, 834, 836; p. 66, v. 962.

²⁷ Ibid., p. 5, v. 51.

²⁸ Ibid., p. 42, v. 607.

²⁹ Ibid., p. 68, v. 1010; p. 164, v. 2452.

³⁰ Ibid., p. 360, v. 5531.

³¹ Ibid., p. 548, v. 8454.

³² Ibid., p. 528, v. 8134.

³³ Ibid., p. 202, v. 3025—3026.

³⁴ Ibid., p. 196, v. 2938.

целых областей, получившему какие-либо особые привилегии в отношении налогов или выполнения феодальных повинностей при условии несения военной службы:

Τοῦ Δρόγγου, τοῦ Γαρδαλεβοῦ, ὁμοίως τῆς Τσακωνίας
 χρυσόβουλλον τοὺς ἤφερον, ὅλοι νὰ εἶναι ἐγκουσάτοι
 ἄρματα νὰ βασταίνουσι, δεσποτικά μὴ ποιήσουσι³⁵.

Феодальная терминология прослеживается и по другим литературным памятникам, особенно по романам, имевшим большое распространение в эпоху Латинской империи. Мы отметим те места этих произведений, где отражена социальная терминология.

Византийские историки, пользуясь западными феодальными терминами, обязательно пытались переводить их, объяснять их значение. Так, например, в правление Иоанна II Комнина (1118—1143) Византия вмешивалась в дела Венгрии, ссылаясь на родственные отношения между Комнинами и венгерской династией Арпадов. В 1124 г. венгерский король Стефан II начал военные действия против Византии. Иоанн II Комнин послал к Стефану II посла. Византийский историк Иоанн Киннам вкладывает в уста этого посла следующую речь: «Ты, раб, идешь войной на господина, и раб, не насильно надевший на себя иго, — иначе было бы некоторое основание, так как подобное рабство естественно бывает соединено с ненавистью к владетелям, — но раб добровольный (δοῦλος ἐθελόδουλος), или, по вашему объяснению, ленный (ἐρμηγνεύει δὲ σοι τοῦτο τὸ λίξιον)»³⁶.

В романах же феодальные термины встречаются уже как хорошо известные, не нуждающиеся ни в каком объяснении или переводе. Более того: если в романе «Бельтандр и Хрисанца» слово *λίξιος* употребляется в своем первоначальном смысле, то в романе «Ливистр и Родамна» оно применяется уже в переносном смысле, показывая этим, насколько читателям должно было быть понятно первоначальное значение этого слова. Неизвестные авторы этих романов, наблюдая складывавшийся быт, записывали то, что они видели вокруг себя, что они слышали от народных певцов, и вносили в свои произведения эти термины, уверенные в том, что они будут поняты всеми, кто будет знакомиться с этими произведениями.

Так, в романе «Бельтандр и Хрисанца» герой Бельтандр при встрече с королем Антиохии простирается перед ним по восточному обычаю (προσκυνεῖ) и вскоре делается вассалом короля (τὴν συνταγὴν τὴν ἔποιχεν λίξιος νὰ ἐγίνη). Это одна из рыцарских сцен, которые автор мог неоднократно наблюдать среди латинян в Пелопоннесе³⁷.

В романе «Ливистр и Родамна» герой Ливистр попадает во сне в царство Эроса, куда его приводят любовь (ἀγάπη) и страсть (πόθος). Там Справедливость и Правда объясняют ему, что такое любовь. Ливистр падает к ногам бога любви, просит его покровительства и обещает быть рабом его воли и повелений, причем слово «раб» передается словом *λίξιος*: ὦμοσα νὰ ἦμαι δοῦλος σου, δοῦλος τοῦ ὀρισμοῦ σου, λίξιος τοῦ θελήματος καὶ τοῦ προστάγματός σου³⁸.

В другом месте мы встречаем производные от слов *λίξιος* и *δοῦλος* глаголы *λιξιώνομαι* и *δουλώνομαι* в соединении со словами любовь и страсть, что является наиболее ярким примером употребления этих терминов в переносном смысле: *δουλώνομαι εἰς τὸν Ἐρωτα*, *λιξιώνομαι εἰς τὸν Πόθον*³⁹.

³⁵ Ibid., p. 302, v. 4576—4578.

³⁶ Joannes Cinnamus, V, 8. Bonnae, p. 223.

³⁷ Ch. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866, p. 140—142.

³⁸ Δ. Μαυροφρύδου. Ἐκλογή μνημείων τῆς νεωτέρας Ἑλληνικῆς γλώσσης, τόμος Α'. Ἀθῆναι, 1866, σελ. 331, στίχοι 207—208.

³⁹ Ibid., p. 335, v. 295.

Наблюдения, сделанные нами в области развития феодальной терминологии, интересны тем, что они показывают, как в живом греческом языке, на котором говорили люди интересующего нас времени, отразились совершившиеся в то время процессы развития общественно-экономического строя латинских государств на Востоке.

Для укрепления экономического базиса латинские завоеватели развивали и укрепляли свою политическую надстройку, позволявшую им держать в подчинении покоренное зависимое население и усиливать его феодальную эксплуатацию. Попытаемся проследить основные черты этой надстройки.

Латинская империя и зависевшие от нее вассальные государства создавались как военно-феодальные монархии, вынужденные уделять много внимания защите захваченных ими территорий. Этим определялись основные черты ее политического устройства. Все феодалы, получавшие земельные держания, обязаны были являться по призыву императора и проводить под его знаменами четыре месяца в году с 1 июня. При нападении извне или восстаниях ограничение срока службы четырьмя месяцами переставало действовать. Все рыцари, в том числе и венецианцы, должны были принести присягу в выполнении этих условий военной службы.

Латинская империя была создана как аристократическая феодальная олигархия. Это выражалось прежде всего в устройстве совета баронов, организованного при императоре. В этот совет могли входить лишь непосредственные вассалы императора. Все остальные держатели феодалов были лишены этого права⁴⁰. Совет своим решением (*consultum*) совместно с императором определял срок созыва ополчения и его продолжительность, а также имел право по собственной инициативе ставить и решать различные вопросы обороны и общего управления. В этих случаях император должен был выполнять решения совета, принятые по его инициативе. Таким образом, император был не самодержавным правителем, а *primus inter pares*, чья власть ограничивалась феодальным кодексом и обладавшими реальной силой баронами-феодалами, осуществлявшими это феодальное право. Император обязан был присягнуть всем своим вассалам, что не нарушит их прав и преимуществ. Присяга эта предшествовала принятию присяги от вассалов. В этом совете не было никаких элементов представительства сословий. Крупные феодалы, принимавшие участие в совете, заседали в нем по личному праву. Конфликты между императором и советом разрешались всегда в пользу совета, а между императором и вассалом — высшим судом.

И в империи и в вассальных государствах была установлена строгая феодальная иерархия, которая охватывала всех феодалов от правителя до незнатных вассалов. В зависимости от своего места в этой феодальной лестнице феодалы назывались: *hauts barons*, *liges*, *hommes de simple homage*, *archontes*, *sergents fieffés*. *Hauts barons*, *bers de terre* были пэрами короля. Они имели право чеканить свою монету, имели право высшего суда, могли строить крепости, являясь владельцами *hautes baronnies*. Отдельные рыцари имели до 24 феодалов. *Ligii*, *liges* составляли наиболее многочисленную категорию феодалов. Они были тесно связаны со своими сеньорами, обязаны были нести военную службу в течение всего года. *Ligii* могли быть отданы в залог и служить сеньору в качестве его заложников (*pleiges*).

В Латинской империи и вассальных государствах точно были регламентированы все условия выполнения военной службы держателями феодалов.

⁴⁰ Canciani *Leges barbarorum antiquae*, III, 1875, p. 511, cap. LXXII.

Никакой держатель феода не мог быть использован на военной службе за пределами государства или за морем. Если военная служба приносила какой-либо ущерб его доходам, то эти убытки должны были быть возмещены ему его сеньором⁴¹. С другой стороны, если держатель феода не выполнял в течение года установленной военной службы, то его феодал переходил обратно в распоряжение его сеньора⁴². Держатель феодала мог передать $\frac{1}{3}$ своего владения другому лицу при условии выполнения обязанностей, которые падали на эту долю феодала. Однако любая передача считалась законной лишь при согласии сеньора⁴³. Ни государь, ни кто-либо другой из сеньоров не мог захватывать земли лиц, находившихся в зависимости от других феодалов⁴⁴.

В кодексе феодальных обычаев мы можем найти и следы иммунитетных прав феодалов Латинской империи. Никто из должностных лиц государя не имел права юрисдикции по отношению к зависимым от феодалов людям. Права суда государя над вассалами также были ограничены. Он не мог наказать никого из них без согласия остальных вассалов или большей их части⁴⁵. Рассмотрение дел, по которым могли выноситься приговоры, лишавшие виновных жизни, должно было осуществляться в империи советом непосредственных вассалов императора, а в Ахейском княжестве советом 12 баронов⁴⁶. На решения низшего суда можно было апеллировать к высшему суду, т. е. от суда барона — к суду его сеньора, от суда непосредственного вассала императора или государя вассального государства — к суду императора. Ни государь, ни его чиновники не имели права лишать кого-либо из феодалов их владений иначе как по судебному решению⁴⁷. Суд в этих случаях осуществлялся в составе тех вассалов, которых государь или какой-либо другой сеньор мог в данный момент собрать⁴⁸. Апелляция по вопросу о захвате феодала сеньором могла быть передана в высшую инстанцию в течение одного года и одного дня. В случаях убийства, измены или невыполнения установленной с феодала военной службы его держатель мог быть без суда лишен права передачи феодала по наследству⁴⁹. Ни один держатель феодала не имел права передать свое владение церкви или городской общине без согласия сеньора. Такие передачи, совершенные без согласия сеньора, должны были считаться недействительными⁵⁰. Согласие сеньора требовалось также в случае освобождения вассалом своего виллана⁵¹.

Наиболее отчетливо представлены в источниках сведения об общественно-политическом устройстве Ахейского княжества, которые очень помогают воссоздать общую картину общественного устройства Латинской империи. Недаром Гонорий III называл это княжество, с его тщательно разработанной системой феодальной иерархии, «новой Францией»⁵².

Как и в самой Латинской империи, власть правителя и в Ахейском княжестве была ограничена его вассалами в силу действовавших феодальных обычаев. Но так как опасность, угрожавшая власти захватчиков, ощу-

⁴¹ Canciani op. cit., III, 1875, cap. LXV, p. 510.

⁴² Ibid., cap. II, p. 508.

⁴³ Ibid., cap. XXX, p. 504.

⁴⁴ Ibid., cap. XIV, p. 502.

⁴⁵ Ibid., cap. IV, p. 500.

⁴⁶ Ibid., cap. XLIII, p. 507.

⁴⁷ Ibid., cap. IX, p. 501.

⁴⁸ Ibid., cap. XIII, p. 502.

⁴⁹ Ibid., cap. LXIX, p. 511.

⁵⁰ Ibid., cap. XCVI, p. 514.

⁵¹ Ibid., cap. XXV, p. 503.

⁵² Recueil des historiens des Gaules et de la France, XIX, p. 754.

щалась здесь особенно остро, права князя в случаях, связанных с обороной, были несколько шире, чем в остальной империи. Так, например, никто из вассалов, даже самых крупных, не мог оставить своего владения без разрешения князя. Без его разрешения никто не мог строить укрепленных замков, кроме 12 высших баронов, непосредственных вассалов князя. Как и во всей империи, никто не мог без разрешения князя передавать свой лен.

В 1209 г. первый правитель Ахейского княжества Гильом Шамплитт, уезжая во Францию, оставил своим наместником своего племянника Гюи де Шам, предварительно составив комиссию под руководством Виллардуэна для распределения феодалов. Комиссия была составлена из двух светских феодалов, *bannerets* (вассалов с правом отдельного знамени), двух латинских епископов и четырех-пяти местных греческих архонтов. Составленный этой комиссией акт был утвержден Шамплиттом. В первую очередь были образованы 12 баронств, находившихся в прямой вассальной зависимости от ахейского князя. Как уже упоминалось, организация франков в Морее была подчинена задачам обороны. Поэтому крупнейшие феодалы находились не в городах, а в пунктах, важных в стратегическом отношении: в горных областях, на границах с районами, населенными воинственными славянскими племенами. Очень важным было баронство Аковы, доставшееся на долю Готье де Розьера, построившего крепость для защиты долины Алфея. Гюго де Брюйер получил феодал Каритайны (*Καριταίνα*) в горной местности Скортры для сдерживания натиска славянских племен. Значение этих двух феодалов видно из того, что в вассальной зависимости от первого находилось 24, а от второго — 22 рыцарских феодала. Третьим в книгу феодалов был вписан Гильом Аламан, получивший в феодал Патры. На долю этого феодала выпала защита побережья Коринфского залива от нападений с севера, со стороны Эпирского деспотата. Жан де Нейи, маршал Ахеи, получил во владение Пассаву, названную так в честь французского военного клича «*Passe avant*». Это владение имело своей целью защиту от славянского населения округа Майны. Феодал Калавроиты с 12 рыцарскими ленами был передан Раулю де Турнэ, а потом — его сыну Жоффрау. Держатели этих пяти баронств носили название *bers de terre*. Остальные 7 баронств, получивших различное число феодалов, были учреждены в Востнице, Халандрице, Велигостах, Никии и других местах. Эти 12 главных феодалов, связанных непосредственно с ахейским князем, имели право суда, чеканки монеты, постройки крепостей⁵³.

Помимо этих 12 крупных светских феодальных владений было учреждено семь церковных баронств, кафедры которых были изъяты из всякого подчинения греческим церковным властям. Главою этих церковных баронств был Ансельм де Ключни, латинский архиепископ Патры и примат Ахейского княжества. Ему подчинялись шесть викарных епископов: Олены (с резиденцией в Андравиде), Модоны, Короны, Велигосты, Амиклы и Лакедемонии. Архиепископ получал восемь рыцарских феодалов, епископы — по четыре феодала. Такое же количество феодалов давалось каждому из трех больших орденов — тевтонских рыцарей, иоаннитов и тамплиеров⁵⁴. Наконец, большое количество рыцарей и сержантов (*sergants de la conquete*,

⁵³ Buchon. *La Grèce continentale et la Morée*. Paris, 1843; W. Miller. *The Latins in the Levant*. London, 1908, p. 49—51; D. de Guldenchrone. *L'Achaie féodale*. Paris, 1886, p. 333—336; J. Schmitt. *Op. cit.*, p. 128—132, v. 1912—1950. Из более поздних работ, посвященных изучению строя Латинской империи и особенно Ахейского княжества, см. P. W. Topping. *Feudal institutions as revealed in the Assizes of Romania, the law code of Frankish Greece*. Philadelphia, 1949; J. Longnon. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, 1949.

⁵⁴ J. Schmitt. *Op. cit.*, p. 132, v. 1550—1554.

αρχόντες τῆς κουγκέστας)⁵⁵, получивших по одному феоде, не были поименно внесены в реестр феофов⁵⁶. Все рыцари Ахейского княжества обязаны были служить ежегодно по четыре месяца в походе и по четыре месяца в гарнизонной службе и могли быть использованы так, как это было угодно государю по отношению к владельцам феофов-проний: ἐνθα χρήζει καὶ βούλεται τοῦ προνοιατοῦρος δ'ἀφέντης⁵⁷. Феодалы, от которых зависело четыре рыцарских феода, должны были выставлять в войско по 10 рыцарей и 12 сержантов, а за каждый лен сверх четырех — по одному рыцарю или по два сержанта⁵⁸. Были урегулированы также и военные обязанности духовенства. Стремление князя возложить военные обязанности на духовенство было встречено с его стороны резкими протестами⁵⁹. В результате длительных переговоров, в которых принимали участие представители папского престола, было установлено, что духовные вассалы освобождались вовсе от гарнизонной службы, которая в условиях Морей была особенно тяжелой, и обязались лишь проводить в походе по четыре месяца в году⁶⁰.

Судебная организация Ахейского княжества была основана на обычном феодальном праве, зафиксированном в «Liber consuetudinum imperii Romaniae», нормы которой действовали в княжестве, как и во всей Латинской империи. При князе были две палаты — высшая и низшая. В высшей палате, кроме 12 крупных светских вассалов, заседали представители высшего духовенства во главе с епископом Оленским. Кроме того, была второй суд — горожан. Каждое из больших баронств также имело свой суд. Так, хроника сообщает о том, как собирали «старших» (οἱ γέροντες) баронства Акоты, которых просили дать советы (τὰ πρακτικά)⁶¹.

Вокруг правителя княжества образовалась сложная разветвленная иерархия сановников. Наивысшим из сановников был великий коннетабль, которого можно сравнить с великим домошником поздней Византии. Он сосредоточивал в своих руках важнейшие функции управления, в том числе основное руководство внешней политикой⁶². Маршал командовал войсками и осуществлял право высшего суда в армии⁶³. Для обозначения названий латинских сановников греки применяли соответствующие византийские термины, например маршал, πρωτοστράτωρ⁶⁴, канцлер, λογοθέτης⁶⁵, коннетабль, κοντοστάυλος⁶⁶, казначей, τριζουρτέρης⁶⁷, смотритель укреплений, προβεούρης τῶν καστῶν⁶⁸ и др.

Морейская хроника сообщает нам ряд сведений о том, как франкские завоеватели Пелопоннеса стремились привлечь на свою сторону местных феодалов. Очень интересна в этом отношении речь, с которой Жоффруа Виллардуэн — один из виднейших деятелей, затем правитель Ахейского

⁵⁵ J. Schmitt. Op. cit., p. 134, v. 1988.

⁵⁶ Ibid., p. 134, v. 1986—1989.

⁵⁷ Ibid., p. 134, v. 1999.

⁵⁸ Ibid., p. 134, v. 1980—1989.

⁵⁹ Ibid., p. 136, v. 2005—2007.

⁶⁰ Ibid., p. 178—182, v. 2650—2720.

⁶¹ Ibid., p. 498, v. 7682—7683.

⁶² Функции великого коннетабля перечисляются в памятнике, известном под названием „Chronique française de Morée“ (изд.: J. Buchon. Recherches historiques sur la principauté française de Morée, vol. I. Paris, 1845), § 537, 587—589, 699—735, 789—797.

⁶³ Ibid., § 622—639, 887, 982—994.

⁶⁴ J. Schmitt. Op. cit., p. 12, v. 163; p. 74, v. 1106; p. 88, v. 1326.

⁶⁵ Ibid., p. 436, v. 6733; p. 488, v. 7533; p. 492, v. 7604.

⁶⁶ Ibid., p. 299, v. 4508; p. 446, v. 6888.

⁶⁷ Ibid., p. 514, v. 7936; p. 560, v. 8656.

⁶⁸ Ibid., p. 514, v. 7937; p. 560, v. 8657.

княжества — обратился, согласно Хронике, к морейским архонтам: «Архонты, мои братья, мои друзья и мои хорошие соратники, видите ли вы этого Франкского вождя, который пришел в вашу страну, чтобы ее покорить? Не верьте, что в его намерение входит грабить, отнимать скот и ваше имущество, а затем исчезнуть. Я вижу в вас рассудительных людей, и я хочу говорить с вами откровенно. Видите ли вы эти войска? Видите ли вы блеск, которым украшен их вождь? Это — государь, цель которого — завоевание. Вы, мои друзья, вы не имеете никакого вождя, который мог бы вам помочь. Если бы наши войска начали проходить и грабить вашу страну, они обратили бы в плен жителей ваших сел и убили бы многих, и ваше раскаяние было бы тогда бесполезным. Следует поэтому подумать, что будет наиболее выгодным для вас. Приходите, и заключим договор, чтобы избежать грабежа, плена и избиения, которые могли бы угрожать вашим семьям»⁶⁹. И дальше в Морейской хронике откровенно рассказывается, как архонты ради сохранения своих владений и прав пошли на соглашение с захватчиками, т. е. на прямое предательство своего народа: «Они передали своим родным и друзьям о происшедшем и о данной им гарантии в том, что те, кто пожелают признать власть завоевателей, сохранят все свои владения (τὰ ἰγονικά) или даже получают что-нибудь сверх своих владений и что те, кто имеют способности и пожелают быть полезными новым правителям, достигнут больших почестей. И вожди Морей собрались в Андравиде и заключили договор на следующих условиях. Сыновья знатных сохраняют свои привилегии и имущества. Военные обязанности будут распределяться соответственно величине владений. Излишки владений будут принадлежать франкам, и жители останутся на том же положении, что и до завоевания»⁷⁰.

Следует отметить, что на собрание («парламент») в Андравиде были приглашены не только представители новых феодальных держателей, местные греческие архонты (κεφαλᾶδες), высшие сановники церкви, но даже и представители горожан (βουργισαῖοι):

Σύρεψιν ἔχει δυνατὴν μὲ ὅλους τοὺς κεφαλᾶδες,
τοὺς ἀρχιερεῖς καὶ βουργισέους, καὶ τοὺς καρβαλλαρίου⁷¹.

Подобные взаимоотношения завоевателей с византийскими феодалами устанавливались и во многих других случаях. В ходе завоевания местные архонты-феодалы вступали в переговоры с вождями войска, занимавшего те или иные пункты, чтобы сохранить свои владения и прежние привилегии. В Морейской хронике мы встречаем ряд подобных соглашений с завоевателями, заключенных феодалами Никии, Аркадии и других мест⁷².

Такое же положение было и в других частях Латинской империи. Греческие феодалы нередко занимали высокие должности при дворе латинского императора и в вассальных феодальных государствах, а некоторые из архонтов пользовались особыми привилегиями в феодальном обществе Латинской империи. Из их числа следует отметить Феодора Врана, который стал почти независимым правителем в своих владениях во Фракии, получив административные права по отношению к зависимому населению вплоть до права юрисдикции. Когда император Генрих занимал фракийские области, он отдал город Апр Феодору Вране. Врана был вассалом латинского императора по Дидимотике и Венеции по Адрианополю и обязан был выставлять 500 всадников, из них 200 в кольчугах. Кроме этой повин-

⁶⁹ J. Schmitt. Op. cit., p. 110, v. 1613—1630.

⁷⁰ Ibid., p. 110—112, v. 1631—1650.

⁷¹ Ibid., p. 378, v. 5847—5848.

⁷² См., например, ibid., p. 140—142, v. 2093—2095.

ности, Врана не имел никаких обязанностей по отношению к империи и управлял своими владениями на основе привилегий, полученных от византийских императоров. В Малой Азии на таких же началах служил завоевателям Феофилопул, получивший новые земельные держания⁷³.

Некоторые буржуазные историки (Топпинг, Лоньон и др.) стремились доказать, что латинское завоевание принесло благоденствие населению завоеванной Византийской империи⁷⁴. На самом деле военно-феодальный строй Латинской империи и ее вассальных государств усугублял эксплуатацию зависимого крестьянства. Сковывая развитие производительных сил, западные завоеватели могли существовать лишь за счет повышения уровня феодальной ренты с зависимого крестьянства.

Даже в «Книге обычаев империи Романии» отражается тяжелое, бесправное положение зависимых от феодалов людей — вилланов — в период Латинской империи. Памятник трактует зависимых крестьян как часть имущества, принадлежащего тому или иному феодалу⁷⁵. Всякий феодал мог в любое время взять все имущество своего виллана⁷⁶, мог своей властью заключить его в тюрьму или задержать для передачи в суд⁷⁷. Виллана можно было даже убить, и убийца обязан был лишь передать феодалу, от которого зависел убитый, другого крепостного взамен⁷⁸. «Книга обычаев» отражает, хотя — как и следовало, впрочем, ожидать — очень скупо, также и сопротивление, которое оказывали вилланы, нередко бежавшие от своих феодалов. Так, в одной из статей отмечается, что всякий бежавший виллан должен был быть схвачен в любом другом владении и передан прежнему владельцу⁷⁹. Об этом же говорится и в другой статье, посвященной пожалованию феодала⁸⁰. Вилланы, бежавшие или оказывавшие неповиновение своим феодалам, подвергались суровым наказаниям⁸¹. Если виллан умирал без наследников, сеньор наследовал все его имущество, движимое и недвижимое⁸². Всякое дарение, сделанное своему виллану или виллану другого феодала, было действительно лишь при жизни дарителя, и его наследники имели право истребовать подаренное обратно⁸³. Бесправное положение вилланов выявляется и в статьях, регулирующих браки вилланов. Если свободная женщина выходила замуж за виллана, она также становилась вилланом феодала. Дети, которых она имела от виллана, не могли наследовать ее имущество. Лишь если после мужа-виллана она вышла замуж за свободного, ей могли наследовать дети от этого второго брака⁸⁴. Ни один виллан не мог жениться или выдать замуж свою дочь без согласия сеньора⁸⁵.

Завоеватели не только сохранили, но даже увеличили прежние размеры податей и повинностей. Зависимые крестьяне, помимо податей, обязаны были нести личную службу, т. е. барщинные повинности, обозначавшиеся общим термином *despoticia*, по постройке замков, дорог, укреплений, по возделыванию земли в домене феодала и многие другие.

⁷³ J. Longnon. *Op. cit.*, p. 97.

⁷⁴ См. рецензию А. Я. Гуревича (ВВ, V, 1952, стр. 284—290).

⁷⁵ Sanciani *op. cit.*, III, cap. CVII, p. 241.

⁷⁶ *Ibid.*, cap. CXC VII, p. 526.

⁷⁷ *Ibid.*, cap. CLXXXVII, p. 525.

⁷⁸ *Ibid.*, cap. XLI, p. 498.

⁷⁹ *Ibid.*, cap. CCIII, p. 527.

⁸⁰ *Ibid.*, cap. CLXXXVI, p. 524.

⁸¹ *Ibid.*, cap. CCXIX, p. 534.

⁸² *Ibid.*, cap. CLXXXV, p. 525.

⁸³ *Ibid.*, cap. CLXXXVIII, p. 525.

⁸⁴ *Ibid.*, cap. LXXXVIII, p. 512.

⁸⁵ *Ibid.*, cap. CLXXIV, p. 523.

Бесправное положение и тяжелый гнет феодальной эксплуатации не могли, конечно, не вызывать недовольства в широких народных массах и, в частности, среди зависимого крестьянства. Это недовольство усугублялось церковной политикой латинских государств, при которой латинское духовенство стремилось подчинить себе греческую церковь. Борьбу против Латинской империи поддерживала и торговая верхушка городского населения, опасавшаяся торговой конкуренции со стороны западного купечества, особенно венецианцев. Все это приводило к исключительно сложному переплетению социальной, национальной и религиозной борьбы и, в конце концов, обусловило недолговечность Латинской империи и ее падение после полувекового господства.
